

Пить Гаврииль Подельниковъ, уроженец деревеньки Горемыкино, Пустомержской волости, Погорельского уезда пребывал в последнее время в горестном состоянии души и сердца.

Мыслишки как муравьи разбегались в разные стороны, не давая покоя ни душе, ни сердцу, зато в утробе урчало. Может, по сей причине и Муза, ветреная женщина, сбегала от горемычного Подельникова неведомо куда с каким-то залётным гусаром, балагуром и весельчаком, давно оседлавшим легкокрылого Пегаса.

Посему на письменном столе Пиита Подельникова стояла пустая чернильница, а перо гусиное и вовсе валялось за диваном.

Самогонка (отличный первач), чистая как слеза девичья, тоже не приносила утешения. А собутыльники его были хороши лишь в попойке, сиречь пьянствовании водки. А чего-то дельного предложить, по скудости ума своего и полнейшего просветления, они, конечно, не могли.

Гаврииль Подельниковъ пал на колени пред иконой Николая Угодника.

И стал осенять себя крестом, да биться лбом своим нещадно о Половицу до тех пор, пока та не взмолилась и не возопила: «Изыди отсель грешник, ибо от тя смердит перегаром да луком-репейником. Совсем разум потерял. На людей рычишь да в бевосцину владаешь, то пляшешь, как шут гороховый!»

– Да, я тебя, Половица несчастная, на дрова изведу да баньку истоплю, дабы ты, несуразная, под ногами Великого Пиита не скрипела, да не судачила с компаньонками своими, гадина ты немытая! – рыкнул гениальный Пить вся Руси Гаврииль Подельниковъ, да стал топтать ея в ярости и безрассудстве своими сафьяновыми сапогами, да кричать истерично матерныя словеса.

И тут-то грянул Гром Небесный, тотчас потемнело в горнице. Гаврииль смутился и затих. А ярило чрез окно тотчас луч послало. Икона засияла то серебром, то златом.

Но Гаврииль своим пиитическимъ оком узрел токмо злато!

– Спасибо Тебе, Николай Угодник, просветлил Ты мой разум замутнённый, теперича я знаю, что мне делать, как мне жить, – изрёк Гаврииль благоговейно. И вновь стал бить поклоны аж до синяков на лбу, забыв мудрость людскую о том, как Дурака заставили Богу молиться, да он, несуразный, лоб свой разбил!

А вот Гаврииль Подельниковъ, Пить вся Руси, хотя и разукрасил лоб свой синяками, зато и вправду озарился замыслом о злате!

А на следующее утро он раскрыл очи свои, ещё пребывая в постелях да ожидая чашечку кофею (вместо кружки самогона), и на том месте, где покоится икона Николая Угодника, узрел над ней Свидетельство (в дубовой рамке), глаголящее о том, что он, Гаврииль Подельниковъ, Пить вся Руси, от сего времени и во веки веков, будет пребывать торговцем злата и аж Генеральным Директором конторы ООО «Золотая Фикса». А ею руководствовать – это вам не щи лаптем хлебать. Правда, с этой поры сам-то Гаврииль стал и вовсе «без царя в голове» – всё гугнит и впадает в словоблудие!

Значит, синяки на лбу Гаврииль Подельниковъ, Пить вся Руси, набил не напрасно.

Но и правда, однако ж, в том, что таких чудес не бывало и в Кане Галилейской. Да что там говорить да судачить, Кана Галилейская – это вам, Братіе и Сестры, не Северная Пальмира, в которой случается буквально всё, посему случилось и то, о чём поведено в сей байке про славного Пиита вся Руси Гавриила Подельникова.

С того времени Гаврииль Подельниковъ стал с усердием поклоняться Златому Тельцу. Правда, умудрился при этом билет члена КПСС схоронить за икону, так, на всякий случай. Вернее, на тот, ежели большевики опять власть возьмут в свои длани.

А вот с коллегами по перу Гаврииль Подельниковъ ведёт себя вызывающе, в оскорбительном высокомерном менторском тоне, часто напоминая своим преподабием среднего сына Ноя, который над обнажённым отцом смеялся. Всех при этом Гаврииль Подельниковъ призывает жить скромно, по средствам своим, не поклоняться Златому Тельцу, по-видимому, боясь конкурентов! А сам, по скудости ума своего, ведёт себя како баскак, словно в него Вельзевел али Мытарь вселился.

Народ-то литературный давно раскусил лицемерие Гавриила Подельникова, его показную праведность и набожность, особливо когда он, осеняя себя крестом троекратно, вприпрыжку торопится к трибуне, дабы верещать с нея о своей неприкосновенной непогрешимости и добродетели, а затем призывать пишущую Братію жить честно и быть бессребрениками, не поклоняться Бахусу да Златому Тельцу! И многим казалось при этом, что над челом Гавриила витает Нимб Святости.

Менторъ поучаетъ Телемаха (сына Одиссея), какъ правильно писать стихи дибрахіемъ, при этомъ предупреждаетъ его, что на издание книги не дастъ ни одной казённой драхмы

А другие судачили о том, как Гавриилу Подельникову удалось Пегаса приучить к питию зеля басурманскаго из хрустальной корыты, да ещё вместе в одной упряжке скакать со Златым Тельцом по хлябям нивы литературной, и оттого стали избегать и обходить его стороною, как говорится, от греха подальше.

Прости всех нас, Господи, никчемных, горемычных, ущербных и грешных.

А мы будем молиться Тебе и ежечасно, и каждодневно, и бить поклоны. Будем синяки на лбу набивать, вдруг и к нам снизойдёт Твоя Милость и Благодать.

Много, однако ж, на Святой Руси Праведников, Печальников и Отшельников просияло и достигло ореола святости, благодаря заботе Отца нашего Небеснаго.

А посему гоже каждодневно глаголетъ нам всем до окончания пути земного своего, Братіе и Сестры, сии словеса:

«Дивень Богъ въ Святыхъ своихъ! Чудны дела Твои, Господи!»

*Жоржъ ГРАБЪ-ГРАЧЕВСКІЙ,
Скиталець, Кавалеръ и Беллетристъ,
Северная Пальмира*

